

пособія на путевые расходы и содержаніе въ г. Черниговѣ, въ размѣрѣ 200 р. каждому.

Опредѣлили: О назначеніи представителей отъ Академіи на XIV Археологическій Съѣздъ въ г. Черниговѣ сообщить и Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

V. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 5 января с. г. за № 27:

„Вслѣдствіе ходатайства Директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь о командированіи для научныхъ занятій въ означенный Институтъ окончившаго въ 1907 году курсъ кандидата Московской Духовной Академіи Владиміра *Семидалова*, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Академіи сообщить Комитету свой отзывъ по содержанію изложеннаго ходатайства Директора Археологическаго Института въ Константинополь“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1902 года за № 7388 постановлено: „ежегодно одного стипендіата одной изъ духовныхъ академій, вмѣсто оставленія при академіи въ теченіи одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь, съ назначеніемъ на его содержаніе 1500 рублей въ годъ, вмѣсто стипендіатскаго оклада въ 700 руб., и съ сохраненіемъ за нимъ всѣхъ правъ службы по званію профессорскаго стипендіата, при чемъ дополнительный къ стипендіатскому окладу расходъ по 800 руб. въ годъ отнести на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 пар. 1 ст. 2. смѣты расходовъ специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской“.—2) Въ первую очередь Московской Духовной Академіи, падавшую на 1904—1905 учебный годъ, Совѣтомъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, командированъ былъ для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи *М. П. Венеманскій*.—Вторая очередь падаетъ, такимъ образомъ, на слѣдующій 1908—1909 учебный годъ.—3) По указу Святѣй-

шаго Синода отъ 23 августа 1907 года за № 9651 кандидатъ Владиміръ *Семидаловъ* оставленъ при Академіи сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ на 1907—1908 учебный годъ, съ ассигнованіемъ на его содержаніе, по 16 августа 1908 года, особой суммой изъ духовно-учебнаго капитала.

Опредѣлили: Увѣдомить Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, что въ виду близкаго уже окончанія 1907—1908 учебнаго года, на который кандидатъ Владиміръ Семидаловъ оставленъ при Академіи сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ, и наступленія для Московской Духовной Академіи очереди командировки одного изъ профессорскихъ стипендіатовъ въ Константинополь, для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ, лишь въ будущемъ 1908—1909 учебномъ году, Совѣтъ Академіи считаетъ болѣе удобнымъ избрать для сей цѣли другое лицо.

VI. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій *А. П. Орлова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе: „Тринитарныя и хринологическія воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго“ въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія, прошу Ваше Преосвященство дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию и. д. доцента Академіи *А. П. Орлова* передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ патристики *И. В. Попову*.

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі и. д. доцента Академіи *А. П. Орлова* онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношеніе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи отъ 4 марта за № 61:

„Открывшееся 15 октября 1906 года въ г. Казани Церковное Историко-Археологическое Общество долгомъ почитаетъ препроводить при семъ въ Московскую Духовную Ака-

демію Уставъ Общества, брошюру объ открытіи Общества и свои первыя изданія: три брошюры о Святѣйшемъ Патріархѣ Гермогенѣ, брошюру о селѣ Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, и историко-археологическій очеркъ г. Свіязска и его святынь.

Общество было бы весьма признательно, если бы Московская Духовная Академія благоволила сдѣлать пожертвованія своими изданіями въ образующуюся бібліотеку Общества“.

Опредѣлили: 1) Выразить Церковному Историко-Археологическому Обществу Казанской епархіи благодарность за присланныя брошюры.—2) Предложить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи,—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ пожертвовать свои труды въ образующуюся бібліотеку Общества.

X. Отношеніе Тобольской Духовной Консисто́ріи отъ 5 марта за № 3607:

„Консисто́рія имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ возвратить отосланное при отношеніи, отъ 14 февраля 1906 г. за № 1920, архивное дѣло подъ № 131—1760 г. о квакерахъ“.

Опредѣлили: Просить Тобольскую Духовную Консисто́рію продлить срокъ пользованія архивнымъ дѣломъ 1760 г. подъ № 131 (о квакерахъ), такъ какъ, по заявленію и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалова, оно крайне необходимо ему для окончанія его магистерской диссертациі.

XI. Отношеніе Г. Предсѣдателя Благовѣщенскаго Окружного Суда отъ 29 февраля за № 234:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 28 января сего года за № 77, имѣю честь просить Совѣтъ Духовной Академіи возвратить мнѣ дѣло о Василии Поповѣ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ“.

Справка: Отношеніемъ отъ 28 января за № 77 Совѣтъ Академіи просилъ Г. Предсѣдателя Суда продлить и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову срокъ пользованія дѣломъ о Василии Поповѣ, такъ какъ оно необходимо ему для окончанія магистерской диссертациі.

Опредѣлили: Содержаніе отношенія сообщить и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову.

XII. а) Отношеніе Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 21 марта за № 733, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи славянскихъ рукописей за №№ 93 и 696.

б) Отношеніе Духовнаго Собора Кіево-Печерской Успенской Лавры, отъ 17 марта за № 4696, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи уставной рукописи Лаврской бібліотеки за № 145.

в) Отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академіи, отъ 10 марта за № 334, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописей Московской академической бібліотеки за №№ 49 и 462, препровожденныхъ для научныхъ занятій профессора протоіерея І. Н. Королькова.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. а) Отношенія Симбирской Духовной Консисторіи отъ 29 февраля за № 2734, съ препровоженіемъ дѣла № 27|24 1876 года объ открытіи въ г. Алатырѣ вредной секты, именуемой „Кораблемъ“, и Туркестанской Духовной Консисторіи отъ 25 февраля за № 1399, съ препровоженіемъ дѣлъ Консисторіи за №№ 166—1893 г. и 551—1903 г. о крестьянинѣ Ермоленко—для научныхъ занятій и. д. доцента Д. Г. Ковалова.

б) Отношеніе Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, отъ 3 марта за № 277, съ препровоженіемъ журналовъ: „Дѣло“ 1879 г. кн. 1, „Атеней“, 1859 г. т. 2, „Отечественныя Записки“ 1859 г. Май и Іюнь, и „Недѣля“ 1879 г.—для занятій студента Бѣлоусова.

Опредѣлили: Дѣла и журналы сдать (и сданы), для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

XIV. Прошенія бывшихъ студентовъ III курса Академіи:

а) *Макарія Новицкаго*: „Постановленіемъ Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 6 марта сего 1908 года, я былъ уволенъ изъ числа студентовъ за невзносъ платы за содержаніе меня въ Академіи.

Теперь же вся плата за мое содержаніе полностью внесена въ экономію Академіи; поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять меня обратно въ число студентовъ Московской Духовной Академіи“.

б) *Павла Севастьянова*: „Постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 6 марта сего 1908 года я уволенъ изъ числа студентовъ за невзносъ платы въ экономію Академіи. Такъ какъ теперь мною внесена плата за содержаніе, то покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять меня обратно въ число студентовъ“.

Опредѣлили: Зачислить Макарія Новицкаго и Павла Севастьянова обратно въ списки студентовъ III курса Академіи.

XV. Прошеніе благочиннаго монастырей 1-го округа Нижегородской епархіи *архимандрита Іереміи*:

„Со времени вдовства своего я стремился къ одной цѣли— поступить въ Академію, но осуществленію сего завѣтнаго желанія препятствовали семейныя обстоятельства. Устроивъ семью, я принялъ монашество, занялъ въ ономъ видное мѣсто—какъ настоятель и благочинный монастырей. Открылось широкое поле для духовно-просвѣтительной дѣятельности. Настало время говорить и дѣйствовать и съ каѳедры церковной, и въ школѣ церковно-приходской, и въ обществѣ. Чувствовалась слабость, отсталость, робость тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить и съ достоинствомъ отвѣчать на запросы и возраженія; молчать приходилось въ такіе моменты, когда голосъ исходящій извнутри говорилъ: настой, обличи, вразуми, загради уста суеслововъ, глаголющихъ, яже не подобають, и развращающихъ души невинныя. Гдѣ взять силъ, орудій для борьбы со врагами сильными въ словѣ? Вооружиться книгами, но и при книгахъ нужны живые разумные руководители. И для монашества много книгъ написано, но живые руководители—авторитеты необходимы для усвоенія духа иноческаго. Обстоятельства службы, время переживаемое обществомъ возбудили во мнѣ горячее желаніе послужить Церкви Святой. Хотя дни жизни моей склоняются уже къ закату, но и въ единонадесятый часъ хочется поработать въ вертоградѣ Христовомъ. Жатва многа, но дѣлателей на нивѣ Христовой мало. Принести посильную пользу, поддержать и спасти отъ гибели хотя одну душу заблудшую—достойная цѣль. Вотъ это стремленіе и привело меня къ дверямъ храма науки академической. Не затворяйте оныхъ предо мной для научныхъ цѣлей. Возвратившись въ среду

своего служенія, съ пополненнымъ пробѣломъ знаній, я могъ бы съ большей пользой продолжать трудъ. Нужно откровенно сказать, что монашество среднее и низшее стоитъ на очень слабомъ уровнѣ развитія и крайне нуждается въ про-свѣщенныхъ управителяхъ и руководителяхъ. Помогите мнѣ удовлетворить доброе стремленіе. На предметъ проживанія въ Академіи и исполненія завѣтной мечты я хранилъ свои сбереженія. Уже академическій годъ оканчивается, то по-корнѣйше прошу зачислить меня вольнымъ слушателемъ въ курсъ слѣдующаго года. Получивъ увѣреніе въ томъ, что къ цѣли своей приближаюсь, я могъ бы лѣто провести въ подготовкѣ—запастьсь извѣстными руководствами. Мо-наху не удобно жить на вольной квартирѣ, то ходатайствую о томъ, въ случаѣ приѣма, чтобъ мнѣ позволено было жить въ студенческомъ общежитіи въ качествѣ пансіонера съ из-вѣстной платой за содержаніе и право слушанія лекцій.

При семъ прилагаю аттестатъ объ окончаніи курса наукъ въ семинаріи и формуляръ, засвидѣтельствованный братіей Троицкаго Островоезерскаго монастыря, въ Нижегородской епархіи, гдѣ служилъ 5 лѣтъ“.

Справка: 1) § 115 устава духовныхъ академій (въ новой редакціи).—2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737.

Опредѣлили: Архимандрита Іеремію допустить къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія ему какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвящен-ства: „1908 г. Апр. 17. Смотрѣно“.

24 апрѣля 1908 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—экстраординарный профессоръ А. П. Шостынь, за-служенные ординарные профессора: А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессора—П. П.

Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовалъ ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ.

Слушали: I Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 6 марта, № 2: „1908 г. Марта 24. Смотрѣно“.

б) 27 марта, № 4: „1908 г. Апр. 17. Смотрѣно“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

II. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *мартъ* и первыхъ числахъ (до 4 го) *апрѣля* мѣсяца текущаго 1908 года, изъ которой видно, что:

а) *по болѣзни*: и. д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ опустилъ 8 лекцій, сверхштатный заслуженный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—по 4 лекціи, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, исправляющіе должность доцента А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи и ординарный профессоръ А. А. Спасскій—1 лекцію; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: исправляющій должность доцента И. М. Громогласовъ—8 лекцій и экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

III. Прошенія:

а) Исправяющаго должность доцента по кафедрѣ древней гражданской исторіи *Θ. М. Россейкина*:

„Двухгодичный срокъ, предоставляемый по § 55 уст. дух акад. исправляющимъ должность доцента для написанія магистерскаго сочиненія, истекаетъ для меня въ сентябрѣ настоящаго года. Къ указанному сроку моя работа закончена быть не можетъ. Изученіе предмета моей кафедры и выполненіе ближайшихъ преподавательскихъ обязанностей поглотили большую половину моего рабочаго времени; а въ рамкахъ оставшагося досуга не было возможности справиться съ трудной работой, обусловливаемой сложностью темы, обиліемъ источниковъ и обширностью литературы вопроса. Въ

виду изложеннаго, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи мнѣ срока подачи сочиненія на одинъ годъ, т. е. до сентября 1909 года“.

б) Исправляющаго должность доцента по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества священника *Д. В. Рождественскаго*:

„По окончаніи курса Академіи въ 1905 году, занявъ должность приходскаго священника въ г. Тамбовѣ, я не имѣлъ ни свободнаго времени, ни нужныхъ пособій для переработки моего кандидатскаго сочиненія въ магистерское, съ каковымъ намѣреніемъ я покинулъ стѣны Академіи. По избраніи меня Совѣтомъ Академіи въ Сентябрь 1906 г. на кафедре гомилетики и исторіи проповѣдничества, я вынужденъ былъ сосредоточить все свое вниманіе на такого рода занятіяхъ (составленіе курса лекцій по гомилетикѣ и ознакомленіе съ литературою предмета), которыя не имѣютъ никакого отношенія къ предмету моей кандидатской работы (по ветхозавѣтной исагогикѣ).

Въ виду совершенной невозможности довести до конца работу, къ которой я могу приступить только по окончаніи истекающаго учебнаго года, къ началу Февраля 1909 г., когда исполнится двухлѣтіе со времени утвержденія меня въ званіи и. д. доцента, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать мнѣ въ ходатайствѣ предъ Св. Синодомъ объ отсрочкѣ представленія магистерскаго сочиненія на одинъ годъ“.

Справка: 1) По § 55 устава духовныхъ академій,—срокъ для полученія исправляющими должность доцента академіи степени магистра назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность.—2) Г. Россейкинъ состоитъ исправляющимъ должность доцента Академіи съ 17 сентября 1906 года, а священникъ Димитрій Рождественскій — съ 10 февраля 1907 года.

Опредѣлили: Признавая просьбы исправляющихъ должность доцента Академіи *Ө. М. Россейкина* и священника *Д. В. Рождественскаго* заслуживающими уваженія, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи имъ указаннаго § 55 академическаго устава срока для полученія степени магистра

богословія на одинъ годъ, т. е. Россейкину—до 17 сентября 1909 года, а священнику Рождественскому—до 10 февраля 1910 года.

IV. Отношеніе Правленія Казанской духовной семинаріи отъ 24 марта за № 259:

„На отношеніе отъ 19 марта т./г. за № 144, Правленіе Казанской духовной семинаріи честь имѣетъ увѣдомить, что документы бывшаго помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи, нынѣ инспектора Семинаріи Михаила Ильича *Бенеманскаго*: 1) Послужной списокъ за № 143, 2) Кандидатскій дипломъ за № 582, 3) метрическое свидѣтельство за № 6795, 4) Свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку за № 284 и 5) Свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 2330, Правленіемъ семинаріи получены.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Правленія Подольской духовной семинаріи отъ 29 марта за № 388:

„Правленіе Подольской духовной семинаріи покорнѣйше проситъ сообщить ему—дѣйствительно ли состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ при Академіи, въ 1906—1907 академическомъ году, кандидатъ богословія Николай Матвѣевичъ *Смирновъ*, нынѣ преподаватель Подольской духовной семинаріи“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Подольской духовной семинаріи, что кандидатъ Академіи выпуска 1906 года Николай Смирновъ состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ Академіи съ 5 августа 1906 года по 15 августа 1907 года включительно.

VI. а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею отъ 5 апрѣля за № 4640:

„Съ глубокою благодарностью возвращая вмѣстѣ съ симъ особою посылкою принадлежащія академической библіотекѣ рукописи за № 185 и 492, присланныя при отношеніи Вашего Преосвященства, отъ 15 февраля 1906 года за № 256, имѣю честь покорнѣйше просить о полученіи рукописей не отказать меня увѣдомить“.

Справка: Означенныя въ отношеніи рукописи получены и сданы въ фундаментальную академическую библіотеку.

б) Отношенія: 1) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 2 апрѣля за № 563, 2) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 17 марта за № 276 и 3) Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею отъ 2 апрѣля за № 4502, при которыхъ препровождены, для научныхъ занятій г.г. профессоровъ Академіи, различныя книги и рукописи, которыя и сданы,—для храненія и пользования ими,—въ фундаментальную академическую бібліотеку.

в) Письмо заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи и Императорскаго Московскаго Университета *В. О. Ключевского*:

„О рукописи Свято-Троицкой Сергіевой Лавры за № 573 честь имѣю заявить, что рукопись эту для обезпеченія ея сохранности я просилъ доставить лично въ Академію казначея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Сергія Алексѣевича Бѣлокурова, что онъ любезно согласился сдѣлать на приближающейся Святой недѣлѣ. Ему же покорнѣйше прошу передать надлежащее удостовѣреніе въ полученіи отъ меня означенной рукописи“.

Справка: О полученіи рукописи бібліотеки Свято-Троицкія Сергіевы Лавры за № 573 заслуженному ординарному профессору *В. О. Ключевскому* сообщено отношеніемъ отъ 21 апрѣля за № 213; самая же рукопись возвращена въ Духовный Соборъ Лавры при отношеніи отъ того же 21 апрѣля за № 216.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что дѣйствительный студентъ Академіи выпуска 1902 года, греческій уроженецъ, *Константинъ Фотопулосъ* представилъ новое семестровое сочиненіе по русской церковной исторіи и получилъ на немъ баллъ 4—.

Справка: 1) Определеніемъ Совѣта Академіи отъ 5 іюня 1902 года, утвержденнымъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 30-го числа того же мѣсяца, греческій уроженецъ *Константинъ Фотопулосъ*, по окончаніи полнаго курса наукъ въ Московской Духовной Академіи и представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, удостоенъ былъ званія дѣйствительнаго студента Академіи *be 27*

предоставленію ему права на соисканіе степени кандидата богословія, въ виду того, что Фотопулосъ, получившій въ теченіе академическаго курса неудовлетворительныя для степени кандидата баллы ($2\frac{1}{2}$) на двухъ семестровыхъ сочиненіяхъ—по нравственному богословію и русской церковной исторіи и при окончаніи курса воспользовавшійся правомъ представить, взамѣнъ ихъ, новыя семестровыя сочиненія по тѣмъ же предметамъ, на одномъ изъ этихъ сочиненій (по русской церковной исторіи) снова получилъ баллъ ниже 3 (3—). — 2) 14-го декабря 1906 года, по выслушаніи прошенія г. Фотопулоса, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „По вниманію къ иностранному происхожденію просителя, ради котораго Совѣтомъ Академіи уже оказано было, при присужденіи степени кандидата богословія, снисхожденіе его товарищамъ по курсу — сербскимъ уроженцамъ Светиславу Давидовичу и Симону Саввичу, — разрѣшить дѣйствительному студенту Константину Фотопулосу еще разъ представить новое семестровое сочиненіе по русской церковной исторіи и затѣмъ, въ случаѣ, если таковое признано будетъ удовлетворительнымъ, — имѣть сужденіе объ утвержденіи Фотопулоса въ степени кандидата богословія“. — 3) Определеніемъ Святейшаго Синода [отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи“.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1902 года, греческаго уроженца, Константина Фотопулоса утвердить въ степени кандидата богословія и выдать ему установленный дипломъ на означенную степень.

VIII. Сообщенную Правленіемъ Академіи копію отношенія Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 26-го марта за № 487:

„По поводу требованія Правленіемъ Академіи отъ студентовъ I-го курса — Ивана Павловскаго, Гавріила Богоявленскаго, Павла Плѣшанова и Николая Соколова, субсидируемыхъ Лаврою, доплаты на первоначальное обзаведеніе по тридцати рублей съ cadaго Духовнымъ Соборомъ определено: „выдать вышепоименованнымъ четыремъ студентамъ по тридцати рублей каждому, для взноса въ Правленіе

Академіи требуемой съ нихъ доплаты, и на будущее время *студентамъ перваго курса, вмѣсто 220 рублей, выдавать по 250 рублей.* Но за то субсидію отъ Лавры неимущимъ студентамъ назначать на будущее время не четыремъ человѣкамъ каждый годъ, какъ было предположено раньше, а въ теченіи четырехъ лѣтъ назначать таковую вновь (т. е. студентамъ перваго курса) *одинъ годъ троимъ, а остальные три года четыремъ каждый годъ,* такъ что всего субсидируемыхъ отъ Лавры студентовъ на всѣхъ курсахъ Академіи будетъ, вмѣсто 16-ти, *только 15 человѣкъ,* чѣмъ и уравнивается расходъ Лавры на этотъ предметъ, съ небольшою даже экономіей въ пользу Лавры, что и необходимо, въ виду оскуднѣнія ея средствъ.

О настоящемъ опредѣленіи Собора, въ случаѣ утвержденія онаго Его Высокопреосвященствомъ, увѣдомить Правленіе Московской Духовной Академіи, для объявленія кому слѣдуетъ“.

На протоколѣ по сему дѣлу послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 20 сего Марта за № 1241, такая:

„Согласенъ съ мнѣніемъ Духовнаго Собора“.

О чемъ Духовный Соборъ имѣетъ честь увѣдомить Правленіе Московской Духовной Академіи, для объявленія названнымъ четыремъ студентамъ, что они могутъ явиться къ казначею Лавры за полученіемъ требуемой съ нихъ доплаты, для представленія таковой въ Правленіе Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Прошенія бывшихъ студентовъ Академіи: III курса—Николая *Нечаева*; II курса—Василія *Воскресенскаго*, Василія *Вязовскаго*, Павла *Илювіева*, Василія *Лимачева* и Петра *Уарова*; I курса—Владиміра *Дубчука*, Сергѣя *Житникова*, Владиміра *Каширенинова*, Александра *Лебедева*, Ивана *Меліоранскаго* и священника Александра *Степанова*, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 марта сего 1908 года уволенныхъ за невзность платы за содержаніе въ текущемъ второмъ полугодіи 1907—1908 учебнаго года и нынѣ уплатившихъ сполна числившіяся за ними недоимки,—объ обратномъ принятіи ихъ въ Академію.

Опредѣлили: Поименованныхъ студентовъ зачислить обратно, по принадлежности, въ списки III, II, I курсовъ Академіи и допустить ихъ къ переводнымъ испытаніямъ.

X. Заявленіе Г. Инспектора Академіи—экстраординарнаго профессора А. П. Шостына о томъ, что студенты первыхъ трехъ курсовъ Академіи, не смотря на постановленіе Совѣта Академіи отъ 6 сентября 1907 года (подтвержденное затѣмъ 19 декабря того же года), которымъ студентамъ означенныхъ курсовъ назначено было на 1907—1908 учебный годъ, согласно § 123 академическаго устава, по *три* семестровыхъ сочиненія, представили лишь по *два* сочиненія, не подавъ: студенты I курса—третьяго (по библейской исторіи), студенты II курса—второго (по психологіи) и студенты III курса—также второго (по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій) семестроваго сочиненія.

Опредѣлили: Объявить студентамъ первыхъ трехъ курсовъ Академіи, что никто изъ нихъ не будетъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи ученой степени или званія, если къ концу академическаго курса не представитъ самовольно неподаннаго въ текущемъ 1907—1908 учебномъ году семестроваго сочиненія по тому самому предмету, по которому онъ обязанъ былъ подать, и на одну изъ тѣхъ темъ, какія своевременно даны были подлежащими г.г. наставниками Академіи.

XI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Преосвященнаго Назарія, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, отъ 7 апрѣля за № 2512:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Преосвященства отъ 29 минувшаго Марта за № 158, объ увольненіи *архимандрита Іереміи* отъ службы въ Нижегородской епархіи для причисленія къ Св.-Шокровской академической церкви, имѣю честь уведомить Ваше Преосвященство, съ препровожденіемъ копии съ послужнаго списка, что архимандритъ Іеремія уволенъ мною отъ службы во вѣрнной мнѣ Нижегородской епархіи“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 27 минувшаго марта благочинный монастырей 1-го округа Нижегородской епархіи архимандритъ Іеремія принять, согласно его прошенію, съ начала будущаго учебнаго года, въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Составленный секретаремъ Совѣта проектъ *рописанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній* студентовъ Академіи въ текущемъ учебномъ году, въ предѣлахъ отъ 25-го апрѣля по 7-е іюня 1908 года включительно.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Проектъ рописанія переводныхъ и выпускныхъ устныхъ испытаній студентовъ Академіи въ текущемъ учебномъ году утвердить, поставивъ о семъ въ извѣстность какъ г.г. наставниковъ, такъ и студентовъ Академіи.

XIII. Разсуждали: о замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи каедръ:

а) *Священнаго Писанія Ветхаго Завета*, при чемъ было выслушано предложеніе заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева слѣдующаго содержанія:

„Профессору по любой изъ наукъ необходимо обладать нѣкоторыми качествами, безъ которыхъ онъ не можетъ стать хорошимъ профессоромъ. При теперешнемъ состояніи наукъ, не исключая и богословскихъ, когда каждая наука разрослась до огромныхъ размѣровъ какъ по разнообразію направленій, въ которыхъ она раскрывается, такъ и по множеству книгъ на разныхъ языкахъ, посвященныхъ ея разработкѣ, первѣйшимъ качествомъ профессора должно быть неутомимое трудолюбіе, склонность и способность къ упорному, усидчивому, продолжающемуся изо дня въ день во всю жизнь труду. Даже и талантливый, но неспособный заставить себя часами и цѣлыми днями сидѣть за книгой и бумагой человекъ, будучи посаженъ на профессорскую кафедру, въ лучшемъ случаѣ будетъ только бойкимъ публицистомъ и поверхностнымъ популяризаторомъ верховъ науки, но не сдѣлается основательнымъ ученымъ, знающимъ свою науку съ профессорскимъ достоинствомъ, а въ худшемъ случаѣ онъ окажется неудачникомъ, для котораго профессорство будетъ тяжкимъ бременемъ, да и самъ онъ будетъ ненужнымъ бременемъ для академіи.

Должно еще упомянуть, что для профессора требуется трудолюбие особого рода. Есть люди очень дѣятельные, по практики. Таковые долго засиживаться за книгой не могутъ; а потому они не могутъ ни сдѣлаться хорошими знатоками своей науки, ни написать крупныхъ ученыхъ сочиненій. У кандидата въ профессору должна быть склонность и способность къ труду именно книжному, умственному.

Желательна, но только рѣдко встрѣчается и еще одна особенность, которая быть можетъ важнѣе даже всѣхъ другихъ качествъ, необходимыхъ для хорошаго профессора и серьезнаго ученаго. Говоримъ о любознательности. Это благородное свойство души человѣка, возводящее ее на безмѣрную высоту надъ душою животныхъ, по нашему мнѣнью, есть врожденный талантъ, даваемый людямъ въ разной мѣрѣ. Даръ этотъ привлекателенъ во всякомъ человѣкѣ. Но особенно онъ цѣненъ въ тѣхъ, которые учатся, а еще цѣннѣе въ тѣхъ, которые учатъ другихъ, такъ какъ послѣдніе несутъ два труда: учатъ другихъ и учатся сами. Почему любознательность особенно нужна учащимъ? Да потому, что любознательность чрезвычайно облегчаетъ тяжесть книжнаго труда. Этотъ трудъ, какъ и всякій другой трудъ, тягостенъ, даже невыносимъ для человѣка, который несетъ его по необходимости, напр., изъ-за куска хлѣба, и онъ же становится игомъ легкимъ и даже пріятнымъ, если совершается съ охотой, а неизсякаемый источникъ охоты есть любознательность. Любознательный человѣкъ настолько привязывается къ ученому труду, что онъ не промѣняетъ его ни на какія удовольствія или блага.

Отъ чего нерѣдко бываетъ, что студенты, выдававшіеся своими способностями, занимавшіе первыя мѣста, съ окончаніемъ курса кончали и свои отношенія къ наукѣ и литературѣ? Причины этого могутъ быть самыя разнообразныя, но мы едва-ли ошибемся, если наиболѣе частой и обыкновенной причиной этого печальнаго явленія признаемъ отсутствіе ученой любознательности, безкорыстной любви къ книгѣ.

Я не преувеличу, если скажу, что по трудолюбію, по склонности къ книжному труду, по любознательности, выдается изъ ряда другихъ А. М. Туберовскій. Трудолюбіе его таково, что мнѣ приходилось сдерживать его отъ излише-

ства въ трудѣ, напр., я совѣтовалъ ему на вакацію брать книгъ поменьше, побольше отдыхать, совѣтовалъ ему, хотя и не всегда успѣшно, уѣзжать непременно домой къ святкамъ и къ пасхѣ. Его любовь къ книгамъ прямо трогательна. Лишь только онъ сталъ получать не крупное при теперешней дороговизнѣ стипендіатское жалованье, какъ остающіеся отъ прожитія гроши онъ сталъ употреблять не на пополненіе костюма, хотя бы столь необходимаго, какъ шуба, а на покупку книгъ. Къ новому году у него уже была полка своихъ книгъ. А узнавши о присужденіи ему преміи Митрополита Іосифа, онъ радостно заявилъ, что теперь затрудненіе по приобрѣтенію многихъ нужныхъ книгъ устраняется.

Кромѣ трудолюбія и ученой любознательности для профессора нужна еще талантливость. Конечно, труженикъ науки, даже и не талантливый, не будетъ бесполезенъ; но чтобы держать знамя профессора и ученаго высоко, славно, для этого требуется сочетаніе трудолюбія съ талантливостью. Степень умственныхъ способностей А. М. Туберовскаго достаточно оцѣнена академической корпораціей: Туберовскій кончилъ курсъ вторымъ. Но я, какъ читавшій его кандидатское сочиненіе и потому болѣе прочихъ членовъ академической корпораціи знакомый съ его умственнымъ строемъ, считаю своимъ долгомъ сообщить членамъ Совѣта нѣкоторыя свѣдѣнія о качествахъ его, какъ ученаго изслѣдователя.

Главнѣйшее достоинство его сочиненія—самостоятельность. Книги, которыми онъ пользовался, служили ему только пособиями, доставлявшими ему матеріалъ, уяснявшими тему и обогащавшими его собственную мысль, но не порабошавшими ее. Замыселъ, планъ сочиненія и раскрытіе его, постановка и разработка вопросовъ, аргументація—все это его собственное.

Другая хорошая черта его труда—добросовѣстность, честность. Онъ пишетъ открыто. Присутствуешь какъ бы при самомъ процессѣ его домашней работы. Получается впечатлѣніе, что онъ не рѣшится что-либо заимствовать изъ чужого сочиненія, не сдѣлавши ссылки на него.

Третья хорошая черта его сочиненія та, что онъ никогда не высказываетъ своихъ мнѣній догматически. Прежде чѣмъ перейти къ раскрытію слѣдующаго положенія, онъ подготавливаетъ для этого почву въ развитіи предшествующаго по-

ложенія. Съ неуклоннымъ постоянствомъ онъ обставляетъ свои взгляды разясненіями, соображеніями, доказательствами.

Четвертое качество его труда то, что взявшись за изслѣдованіе какого-либо пункта, напр., за объясненіе текста, онъ исчерпываетъ предметъ до дна.

Онъ какъ бы постоянно держитъ въ умѣ вопросъ—все ли я сказалъ, хорошо ли я разяснилъ, достаточно ли доказалъ, не упустилъ ли чего-либо изъ вида. Эту наклонность исчерпывать тему до конца вглубь и вширь я считаю осязательнымъ признакомъ способности къ настоящему ученому труду. Она свидѣтельствуетъ о добросовѣстномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ о настойчивости, постоянствѣ въ трудѣ.

Нельзя, наконецъ, не похвалить и тона сочиненія, всегда спокойнаго, выдержаннаго, а также и характера его критики, трезвой и дѣловитой. Нѣтъ у него излишней боязливости въ высказываніи своихъ взглядовъ, а съ другой стороны нѣтъ заносчивости и въ оцѣнкѣ чужихъ взглядовъ.

Обладая многими задатками, чтобы сдѣлаться хорошимъ профессоромъ, А. М. Туберовскій особенно пригоденъ для богословской каѳедры. Онъ имѣетъ привязанность къ богословію, а это не часто встрѣчается. Кандидатское сочиненіе его—догматико-экзегетическое и въ немъ онъ проявилъ основательность и серьезность въ толкованіи Св. Писанія. Нахожу его особенно пригоднымъ для замѣщенія каѳедры Св. Писанія Ветхаго Завѣта“.

Справка: Кромѣ рекомендуемаго профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ 1) профессорскаго стипендіата выпуска 1907 года Александра *Туберовскаго*, г.г. членами Совѣта въ качествѣ въполнѣ достойныхъ и правоспособныхъ кандидатовъ для замѣщенія каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта предложены были слѣдующія лица: 2) занимающій нынѣ въ Академіи каѳедру гоимлетики и исторіи проповѣдничества съ званіемъ исправляющаго должность доцента священникъ *Димитрій Рождественскій*, 3) профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1907 года *Владиміръ Страховъ*, 4) кандидатъ Академіи выпуска 1906 года, нынѣ студентъ Вѣнскаго университета, сербскій уроженецъ, венгерскій подданный, *Иванъ Туричъ*, 5) воспитанникъ Академіи выпуска 1892 года, нынѣ

преподаватель Вологодской духовной семинаріи, магистръ богословія, Иванъ *Тюрминъ*, и 6) кандидатъ Академіи выпуска 1897 года, нынѣ преподаватель Кіевской духовной семинаріи Александръ *Волжинъ*.

б) *Новой гражданской исторіи*.

Справка: Въ качествѣ вполне достойныхъ и правоспособныхъ кандидатовъ для замѣщенія означенной каѳедры г.г. членами Совѣта названы были слѣдующія лица: 1) профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1906 года, нынѣ преподаватель Ставропольской духовной семинаріи, Николай *Черныявскій*, 2) профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1901 года, нынѣ преподаватель Воронежской духовной семинаріи, Александръ *Мишинъ*, и 3) воспитанникъ Академіи выпуска 1892 года, нынѣ преподаватель богословія въ Московскомъ Императорскомъ Инженерномъ Училищѣ и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета, магистръ богословія, священникъ Николай *Цоповъ*.

в) *Латинскаго языка и его словесности*, при чемъ было выслушано предложеніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *Н. А. Заозерскаго* слѣдующаго содержанія:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи въ качествѣ кандидата на свободную каѳедру Латинскаго языка и Римской литературы магистра богословія Михаила Ильича *Бенеманскаго*.

Свое представленіе основываю на дознанныхъ и опытомъ доказанныхъ свойствахъ ученаго таланта г. Бенеманскаго, дающихъ ему полное право на замѣщеніе означенной каѳедры, а именно:

1) Г. Бенеманскій доказалъ на опытѣ способность въ сравнительно короткое время овладѣвать обширнымъ ученымъ матеріаломъ благодаря своей отличной лингвистической подготовкѣ, навыку къ критическому анализу памятниковъ и здоровой умѣренности въ обобщеніяхъ. Его магистерская диссертация, по отзывамъ официальныхъ рецензентовъ и частнымъ рецензіямъ, представляетъ выдающееся ученое произведеніе въ разсужденіи новизны и богатства содержанія, эрудиціи, логической стройности, ясности и точности изложенія.

2) Г. Бенеманскій владѣетъ блестящимъ даромъ слова,

какъ это доказала его рѣчь на магистерскомъ его диспутѣ, въ которой онъ съумѣлъ на продолжительное время заинтересовать весьма обширную аудиторію, не смотря на специальность ученаго предмета ея. Онъ можетъ быть отличнымъ лекторомъ.

3) Командировкою въ Константинополь Г. Бенеманскій доказаль, что онъ обладаетъ способностью быстро и умѣло ориентироваться, при совершенно для него новой и далеко неблагопріятной вѣшной обстановкѣ, въ этой странѣ памятниковъ классической древности и съ успѣхомъ использовать для ознакомленія съ ними имѣющіяся тамъ ученныя средства, предлагаемыя учеными учрежденіями русскими и иностранными. Онъ можетъ съ успѣхомъ исполнять такого рода ученныя порученія“.

Справка: 1) Въ собраніи 21-го сентября 1906 года Совѣтомъ Академіи постановлено было: „На каѳедру *латинскаго языка и его словесности* имѣть въ виду оканчивающаго въ наступившемъ 1906—1907 учебномъ году курсъ воспитанника Академіи Сергѣя *Знаменскаго*“. Нынѣ кандидатъ Знаменскій состоитъ сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ Академіи и, съ разрѣшенія Совѣта Академіи отъ 20 сентября 1907 года, слушаетъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.—2) Кромѣ г.г. Знаменскаго и рекомендуемаго профессоромъ Н. А. Заозерскимъ инспектора Казанской духовной семинаріи Михаила *Бенеманскаго*, въ качествѣ правоспособнаго кандидата для замѣщенія означенной каѳедры названъ былъ еще профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1907 года Владиміръ *Страховъ*.

г) *Русской гражданской исторіи*. — Поставленный на повѣстку настоящаго собранія вопросъ о замѣщеніи означенной каѳедры снятъ былъ Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Совѣта безъ объясненія причинъ.

Опредѣлили: Всѣхъ поименованныхъ выше кандидатовъ подвергнуть баллотированію при окончательномъ рѣшеніи вопроса о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ въ ближайшемъ собраніи Совѣта Академіи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Мая 12. Читано и принято къ свѣдѣнію“.

10 июня 1908 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровский.—Отсутствовалъ экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Отзвы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидата богословія, *А. П. Орлова* подъ заглавіемъ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко-догматическое излѣдованіе“. Сергіевскій Посадъ, 1908 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патристики *И. В. Попова*:

„Обширная диссертация г. Орлова, представляющая собою книгу въ 547 страницъ, состоитъ изъ введенія, главной части и двухъ приложений. По своему содержанию она распадается на два отдѣла—историко-литературный и историко-догматическій. Въ первомъ, къ которому нужно отнести введеніе и два приложения, на ряду съ біографическими данными объ Иларіи, сообщаются свѣдѣнія объ его сочиненіяхъ, временной послѣдовательности ихъ составленія и ихъ подлинности. Изъ страницъ, относящихся къ этому отдѣлу, наибольшее значеніе и по важности затронутого вопроса и по интенсивности труда, затраченнаго для его разрѣшенія, имѣетъ обстоятельный трактатъ о происхожденіи и характерѣ такъ называемыхъ фрагментовъ ех opere historico Иларія (приложеніе 2, стр. 7—78). Главный интересъ автора тѣмъ не менѣе сосредоточенъ на второмъ, историко-догматическомъ отдѣлѣ. Ставя своею задачей выясненіе тринитарныхъ воззрѣній Иларія въ связи съ разнообразными бо-

гословскими теченіями Запада и Востока, авторъ группируетъ весь относящійся сюда матеріаль въ двухъ большихъ главахъ. Въ первой онъ даетъ историческій обзоръ церковнаго ученія о Тріединомъ Богѣ со 2 по 4 вѣкъ и вскрываетъ философскія предпосылки этого ученія въ различныхъ богословскихъ школахъ и теченіяхъ. Во второй онъ излагаетъ ученіе Иларія о Тріединомъ Богѣ.

Изъ представленнаго краткаго обзорѣнія содержанія книги г. Орлова видно, насколько широко было задумано имъ изслѣдованіе избраннаго предмета. Подобная широкая постановка вопроса требуетъ отъ автора, кромѣ вдумчиваго и кропотливаго изученія памятника, большихъ познаній въ исторіи догматовъ, разностороннихъ способностей и выдающагося трудолюбія.

Выполненіе задачи, поставленной для себя авторомъ, отличается большими достоинствами. Сочиненія Иларія Пиктавійскаго прочтены имъ очень внимательно и изучены съ достаточною полнотою. Не менѣе тщательно и съ полною критическою независимостью усвоена авторомъ литература, такъ или иначе затрогивающая Иларія и его литературную дѣятельность. Основныя идеи богословія ревностнаго борца за православіе отмѣчены авторомъ правильно и изложены съ ясностью и опредѣленностью, которыя свидѣтельствуютъ о проникновеніи въ духъ изучаемаго писателя.

Въ изложеніи тринитарныхъ воззрѣній Иларія и другихъ церковныхъ писателей авторъ пользуется вполне научнымъ методомъ, къ сожалѣнію далеко еще не сдѣлавшимся обычнымъ явленіемъ по крайней мѣрѣ въ русской богословской литературѣ. Большинство патристическихъ изслѣдованій русскаго происхожденія обыкновенно довольствуются простыми выписками цитатъ и формулъ, не задаваясь цѣлью проникнуть въ глубину этихъ формулъ, наполнить ихъ опредѣленнымъ реальнымъ содержаніемъ, выяснить, какой смыслъ и значеніе влгаль въ нихъ самъ изучаемый писатель. Такія книги, написанныя безъ метода и безъ анализа, ничего не даютъ читателю. Богословская терминологія всегда отличалась необыкновенною устойчивостью. Слова оставались неизмѣнными на протяженіи вѣковъ, но смыслъ ихъ, понятія съ ними соединяемыя переживали постепенныя и глубокія измѣненія. Отсюда понятно, что пат-

ристическія монографіи ничего не вносятъ въ пониманіе древней литературы, если не идутъ далѣе словъ и формулъ. Въ сочиненіи г. Орлова мы имѣемъ дѣло не съ этой поверхностной систематизаціей выписокъ, а съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Въ отношеніи къ каждому термину, къ каждой болѣе или менѣе важной богословской концепціи онъ ставитъ вопросъ объ ихъ подлинномъ смыслѣ и для отвѣта на него привлекаетъ богатый философскій и историко-догматическій матеріалъ.

Другимъ важнымъ преимуществомъ книги г. Орлова служитъ прагматическій характеръ его изслѣдованія. Стремясь объяснить происхожденіе оттѣнковъ богословской мысли, онъ разсматриваетъ всѣ относящіяся сюда факты въ связи съ историческими прецедентами и потребностями даннаго момента церковной жизни. Въ этомъ стремленіи разсматривать особенности ученія Иларія въ связи съ общей исторіей догматовъ имѣетъ свое оправданіе подготовительная глава, содержащая въ себѣ историческій обзоръ тринитарныхъ споровъ со II по IV вѣкъ.

Наконецъ, въ качествѣ несомнѣннаго достоинства не можемъ не отмѣтить ясности мысли и прозрачности общей схемы сочиненія. Читая трудъ автора, чувствуешь, что переплетающіяся нити богословскихъ теченій находятся въ твердыхъ рукахъ, что авторъ никогда не упускаетъ ихъ изъ вида и неуклонно подвигается къ доказательству принятаго имъ основнаго положенія.

Но наряду съ перечисленными несомнѣнными достоинствами изслѣдованія г. Орлова рецензентъ не можетъ не указать и нѣсколько довольно крупныхъ недостатковъ книги.

Въ историко-догматической части сочиненія, даже при поверхностномъ ознакомленіи съ диссертацией, бросается въ глаза несоотвѣтствіе по объему между общою частью—обозрѣніемъ тринитарныхъ споровъ съ II по IV в. и главною частью—изложеніемъ ученія Иларія. Фундаментъ зданія (276 стр.) оказывается вдвое выше, чѣмъ самое зданіе (129 стр.); на изготовленіе фона для картины живописецъ потратилъ вдвое болѣе труда, чѣмъ на самую картину. Принципіально противъ умѣстности общихъ обозрѣній въ патристическихъ изслѣдованіяхъ возразить, конечно, нечего. Какъ было сказано ранѣе, они нужны и составляютъ даже достоинство из-

слѣдованія, но авторъ долженъ сохранять въ этомъ отношеніи умѣренность и не выступать за предѣлы необходимаго для главной цѣли—объясненія генезиса идей изучаемаго памятника. Образцомъ для него должна бы служить превосходная во всѣхъ отношеніяхъ книга В. В. Болотова „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“. Правда, все изложенное въ первой главѣ г. Орловъ долженъ былъ знать, чтобы хорошо написать книгу объ Иларіи, но ему не было необходимости излагать всѣ эти знанія въ своей диссертациі. Если бы каждая монографія, посвященная тринитарнымъ воззрѣніямъ отдѣльныхъ писателей, предварялась подобными обширными вступленіями, то въ своей богословской литературѣ мы имѣли бы безконечное повтореніе одного и того же по разнымъ поводамъ.

Трудность патристическихъ работъ въ томъ именно и состоитъ, что каждый изслѣдователь въ этой области долженъ обладать широкими общими познаніями, для пріобрѣтенія которыхъ нужно много времени, труда и усидчивости, а между тѣмъ обнаружить эти знанія во всемъ ихъ объемѣ предъ обыкновеннымъ читателемъ онъ не можетъ, но специалистъ и безъ этого, конечно, пойметъ, что лежитъ въ основѣ анализа изучаемаго памятника.

Расширивъ до такихъ предѣловъ общую—вступительную часть своего историко-догматическаго изслѣдованія, авторъ раскинулъ свои позиціи на огромное пространство и этимъ открылъ себя для нападенія со всѣхъ сторонъ. вмѣсто того, чтобы сосредоточить свои силы на сочиненіяхъ Иларія, самостоятельно и со вниманіемъ изученныхъ, и остаться господиномъ положенія, онъ вдался въ подробное обозрѣніе всѣхъ богословскихъ теченій за два вѣка, которыхъ онъ не могъ изучить самостоятельно по памятникамъ. Отсюда возможность разнообразныхъ возраженій какъ противъ общей концепціи труда, такъ и противъ характеристики отдѣльныхъ писателей и направленій.

Правильный по существу методъ анализа богословскихъ понятій и выясненія ихъ реального значенія изъ сопоставленія ихъ съ общими философскими онтологическими представленіями изучаемаго писателя въ книгѣ г. Орлова не нашель для себя вполне безукоризненнаго примѣненія.

Во-первыхъ, чисто философской онтологіи онъ приписы-

ваетъ слишкомъ много значенія. Очень часто особенности извѣстнаго ученія обусловлены не столько философскими предпосылками, сколько чисто церковными интересами. Такъ напр. онтологическія воззрѣнія св. Иринея, какъ они изложены г. Орловымъ на стр. 55—58, не только не объясняютъ ученія Ліонскаго епископа о св. Троицѣ, но и стоятъ съ нимъ въ полномъ противорѣчїи.

Во-вторыхъ, авторъ не принимаетъ въ расчетъ тѣхъ путей, которыми извѣстныя философскія ученія проникали въ патристическія системы, а между тѣмъ это было бы очень важно отмѣтить въ интересахъ отстаиваемыхъ имъ самимъ положеній. Платонизмъ и стоицизмъ могли усвоиться не изъ непосредственнаго знакомства съ этими философемами, а чрезъ посредство системы Филона, въ которой эти два направленія древней философской мысли нашли своеобразное примиреніе, равно какъ и нѣкоторые пункты ученія Аристотеля могли передаваться чрезъ посредство новоплатонизма. Только этимъ можно объяснить наличность нѣкоторыхъ идей Аристотеля въ сочиненіяхъ Каппадокійцевъ, высказывавшихъ вообще рѣзко отрицательныя сужденія о философіи Стагирита.

Отмѣченные недостатки объясняются спѣшностью, которая наложила свою печать на весь трудъ г. Орлова. Его книгѣ не достаетъ послѣдней редакціи, которая обыкновенно устраняетъ излишнее, сокращаетъ второстепенное, восполняетъ главное. Одинъ-два мѣсяца пересмотра всего написаннаго дали бы совсѣмъ иной обликъ сочиненію, надъ составленіемъ котораго авторомъ положено столько труда. Слѣды спѣшности замѣтны уже на внѣшности книги. При болѣе тщательной обработкѣ авторъ, безъ сомнѣнія, включилъ бы первое и второе приложеніе въ составъ своего введенія, не допустилъ бы столько корректурныхъ ошибокъ, особенно—что досаднѣе всего—въ иностранныхъ текстахъ, по мѣстамъ иначе выразилъ бы свою мысль и исправилъ бы фразу. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе времени, онъ присоединилъ бы къ своей книгѣ изслѣдованіе о хринологіи Иларія, стоящее въ неразрывной связи съ настоящимъ трудомъ и входившее въ его первоначальный планъ, а это не только сгладило бы несоотвѣтствіе между вступительной и главною частью труда, но и значительно повысило бы до-

стоинство книги. Однимъ словомъ—при выдающейся трудо-способности, при обнаруженныхъ знаніяхъ, при ясности ума и способности къ тонкой логической работѣ авторъ подарилъ бы русской богословской наукѣ гораздо болѣе совершенное произведеніе, если бы надъ его головой не висѣлъ Дамокловъ мечъ въ видѣ обязательнаго срока. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ диссертация г. Орлова, представляя собою цѣнный вкладъ въ научную богословскую литературу, даетъ автору несомнѣнное право на полученіе степени магистра богословія“.

б) Ординарнаго профессора по кафедрѣ общей церковной исторіи А. А. Спасскаго:

„Свое довольно обширное изслѣдованіе (I—LXIV; 1—405; прилож. (1 и 2), 1—78) авторъ, какъ водится, открываетъ введеніемъ, гдѣ онъ даетъ общую характеристику смысла догматическихъ споровъ и устанавливаетъ свою главную задачу „разсмотрѣть личность изучаемаго автора въ возможно—широкой перспективѣ“ (1 стр.), т. е. понять его богословскія воззрѣнія, какъ продуктъ извѣстной эпохи, объясняемый особенностями наличнаго религіозно-философскаго міросозерцанія. Здѣсь же въ введеніи содержится и біографія Иларія излагаемая въ связи съ развитіемъ его богословскихъ воззрѣній и анализомъ подлинныхъ его сочиненій (XIII—CXIV).

Первая глава (1—276) сочиненія и посвящена изображенію той исторической перспективы, въ какой вращался Иларій. Общее содержаніе этой главы явствуетъ уже изъ самаго заглавія ея: „историческій обзоръ ученія о трединомъ Богѣ въ связи съ его философскими предпосылками“. Мысль автора движется здѣсь уже въ знакомыхъ для церковно-исторической науки комбинаціяхъ. Для западнаго богословія, какъ это давно уже признано въ наукѣ, опредѣляющей философской подпочвой является стоицизмъ, съ точки зрѣнія котораго и излагаются системы Тертуллліана, Ипполита, Иринея, Новаціана и западныхъ писателей IV в. Восточная же богословская мысль раскрываетъ церковное вѣроученіе подъ господствующимъ вліяніемъ неоплатонизма или неоплатоническаго оригенизма, распадающагося съ началомъ IV вѣка на два фланга: правый и лѣвый, откуда и объясняются всѣ особенности выступавшихъ на историческую

сцену догматическихъ партій (правый:—Александръ и Аѳанасій Алекс., и оміусіане; лѣвый: Арій, Евсевій Кесарійскій и Евномій Кизическій), теологія же Каппадокійцевъ объясняется изъ двойного вліянія Аристотеля и Плотина. Отдавая такимъ образомъ свое главное вниманіе исторіи богословской мысли, авторъ не упускаетъ изъ вида и самыя событія, служившія выраженіемъ наставшаго разнообразія воззрѣній, слѣдя по преимуществу за исторіей символовъ первой половины IV вѣка. Съ преимущественнымъ интересомъ онъ останавливается на вопросѣ о томъ, какъ былъ понятъ основной терминъ никейскаго символа: *ὁμοούσιος* различными группами современныхъ ему богословскихъ партій. Здѣсь мы читаемъ о западномъ пониманіи его (Лактанцій, Фебадій, Люциферъ и Евсевій Верчельскій), восточное истолкованіе его въ правомъ (Александръ, Аѳанасій, Маркеллъ) и лѣвомъ флангѣ неоплатонизма (Евсевій Кесарійскій) и палестино-малоазійскихъ консервативныхъ кружкахъ (Григорій Неокесарійскій и Меѳодій Тирскій).

Вторая обширная глава (276—405) имѣетъ дѣло съ спеціальнымъ вопросомъ, и составлявшимъ собственный предметъ изслѣдованія автора—съ догматическимъ ученіемъ Иларія Пиктавійскаго, изъ котораго захвачена только одна часть ученія его о св. Троицѣ. Авторъ внимательно слѣдитъ здѣсь за всѣми какъ основными, такъ и мелочными пунктами воззрѣній Иларія на существо Божіе и триничное проявленіе Его, констатируетъ общій стоическій остовъ его и указываетъ главныя историческія вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ оно составилось—теологію Тертулліана и Иринея. Сочиненіе заканчивается двумя приложеніями: въ первомъ изъ нихъ авторъ кратко опредѣляетъ историческое значеніе жизни Иларія, написанной Фортунатомъ; во второмъ разсматриваетъ очень запутанный вопросъ о такъ называемыхъ фрагментахъ *ex opere historico* Иларія.

Уже изъ изложеннаго сейчасъ краткаго содержанія разсматриваемой диссертации достаточно открывается богатство и полнота обсуждаемыхъ имъ вопросовъ. Какъ на отличительную особенность ея, рѣдко встрѣчающуюся въ существующихъ въ наукѣ монографіяхъ, имѣющихъ своею цѣлью изученіе какой-либо одной исторической личности, нужно указать на сравнительную пространственность пропедевти-

ческаго отдѣла изслѣдованія А. Орлова, раскрывающаго историческую перспективу, среди которой жилъ и подъ вліаніемъ которой создавались богословскія воззрѣнія Иларія. Не стоитъ и говорить объ обширности ученой литературы, обсуждающей затрогиваемые здѣсь вопросы, и понятно, что далеко не всѣ мысли, высказываемыя авторомъ въ этомъ отдѣлѣ, могутъ претендовать на самостоятельность. Тѣмъ не менѣе авторъ повсюду старается оставаться оригинальнымъ: онъ стремится основывать свои сужденія исключительно на изученіи первоисточниковъ, и надо пожалѣть, что ни объ ученыхъ трудахъ, обсуждающихъ тѣ же самые предметы, ни о критической оцѣнкѣ ихъ, вообще говоря, нѣтъ и рѣчи. Даже мы не видимъ критическаго разбора имѣющихся въ наукѣ работъ, специально посвященныхъ Иларію. Однако, не смотря на трудность и сложность трактуемыхъ авторомъ въ первой части своего сочиненія вопросовъ, ему удалось сдѣлать нѣкоторыя новыя наблюденія, создать свои комбинаціи, съ которыми придется считаться научной критикѣ и будущимъ изслѣдователямъ. Главная научная цѣнность его труда состоитъ въ отдѣлѣ объ Иларіи—его тринитарномъ ученіи: воззрѣнія Иларія здѣсь обслѣдованы во всѣхъ ихъ подробностяхъ и ихъ отличительныя черты выставлены со всею выпуклостью. Наиболѣе цѣнными являются страницы, посвященныя анализу отношенія изучаемаго писателя къ соперничавшимъ терминамъ *ὁμοούσιος* и *ὁμοιούσιος*, на которыхъ основывается исключительное положеніе Иларія въ ряду западныхъ писателей въ ходѣ догматическихъ споровъ IV в. и его высокое историческое значеніе. Вообще научная постановка вопросовъ, логическая послѣдовательность въ проведеніи разъ установленныхъ принциповъ, обработанный литературный стиль—являются постоянными качествами, сопутствующими всему сочиненію. Разсматриваемая же съ специальной точки зрѣнія, какъ монографія объ Иларіи, диссертация г. Орлова по широкой и всесторонней точкѣ зрѣнія, приложенной къ изученію этого писателя и осуществленной на дѣлѣ и теперь еще не въ полномъ видѣ (отдѣлъ о хринологіи появится въ ближайшемъ времени) должна быть признана полезнымъ вкладомъ не только для русской науки, но и для сокровищницы всего европейскаго церковно-историческаго познанія.